

«Русская мысль»

МНЕНИЯ, ОЦЕНКИ, ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Не каждый день лауреаты Нобелевской премии, да еще такого масштаба, как Солженицын, приезжают в губернскую Пензу. Встречать его на перроне железнодорожного вокзала, кроме официальных лиц, пришли писатели, художники, журналисты, музыканты, любители его творчества, да и просто любители поглязеть. Все ожидали, что именитый гость приедет в одиннадцатом — «губернаторском» — спальном вагоне фирменной «Суры», в котором обычно ездят только руководители области или самые «круты» из здешних «новых русских».

Но Александр Исаевич, привыкший путешествовать в «народных» плацкартных вагонах, не изменил своей привычке и теперь.

Пренебрег он и черной «Волгой», поданной к подъезду его гостиницы для осмотра города. «Я привык пешком», — голосом, не теряющим вожделений, сказал Александр Исаевич. — Иначе и Пензы не почувствую!..

Удивил он всех и на первой же официальной встрече с жителями Пензы в местном Доме искусств.

Обычно встречи с приезжими знаменитостями в Доме искусств проходят по одной «кодексе»: сначала высокий гость долго рассказывает о себе или еще о чем ему вздумается. А уж потом иногда отвечает и на вопросы, если они у кого-нибудь к тому времени появятся. Солженицын и здесь оказался похожим только на самого себя.

— Друзья мои! Я никогда не приезжаю с готовой речью. Меня интересует, что скажете вы, а не что скажу я, — с ходу заявил он.

Зал опешил и, как мне показалось, даже растерялся. На какое-то время повисло тягостное молчание. Наконец, на сцену несмело вышел мужчина и, поклонившись Солженицыну в пояс, начал каяться и просить у него прощения за то, что лет двадцать назад, выступая на комсомольском собрании, клеймил его всячески нехорошими словами и даже декламировал поганый стих из тогдашнего «Крокодила».

Не успел мужчина сойти со сцены, как его место заняла экзальтированная дама. И заворковала: «Ах, какой ты мудрый! Ах, какой ты великий! Ах, спасибо, что почтили своим вниманием наше захолустье!..» Александр Исаевич не знал куда деться. Зато развеселившаяся публика вмиг обособилась от скованности, и мало-помалу завязался серьезный разговор. А вскоре от желающих высказаться о наболевшем, задать нобелевскому лауреату свой вопрос или даже поспорить с ним отбоя не стало. Кто только не выходил к микрофонам — школьные учителя и безработные, предприниматели и домохозяйки, врачи и преподаватели вузов, студенты и пенсионеры...

Солженицын сидел за столом, тщательно записывая в толстую тетрадь все разговоры и, казалось, оставался абсолютно спокойным и безучастным.

Но вот очередной оратор начал горячо защищать советскую власть, хвалить 70 с лишним лет ее господства и укорять автора «Архипелага» за то, что тот «не читает отечественную историю».

Солженицын весь напрягся, и даже мне с 8-го ряда стало видно, как его лицо покраснело. Он взился, как пружина. И зал услышал его первый комментарий — страстный, жесткий и очень личностный.

ИСТОРИЮ НАДО ЗНАТЬ, А НЕ ЧИТАТЬ

— Вы говорите, что надо ценить наше прошлое, читать историю?! Вы утверждаете, что при коммунистах было лучше и не надо хулить коммунизм?..

Что вам ответить на это? Во-первых, обратите внимание, наверное, в этом зале я самый старый — мне 77 лет. Поэтому для большинства из вас совсем неизвестно, например, что такое были 20-е годы, что такое был «Великий перелом». А ведь это был перелом хребта России! Что такие были 30-е годы, когда все дрожали от страха и отрекались — от отцов, детей, семьи, жен, мужей — от кого угодно, лишь бы их не трогали. А что такое были лагеря, расстрелы? Подсчитано: 60 миллионов человек в стране погибли от внутренней борьбы!

На миг он замолчал, точно разговаривая сам с собой, а потом повторил: «Помнить только — 60 миллионов».

«Конечно, сейчас их нет в зале», — сказал он, — но представьте, что бы они вам сказали, если бы воскресли. Волосы встают дыбом!»

Он снова замолчал. Вроде бы успокоился и заговорил спокойным голосом. Но успел сказать лишь одно предложение, как взмыл снова:

— Говорят, что коммунизм многое взял у христианства. Простите! Коммунизм прямо противоположен христианству, ибо христианство стремится добиться соблюдения заповедей любовью и жертвой, а

Александр Солженицын: ключ к спасению России

Встречи в Пензе

коммунизм — насилием и классовой борьбой!

Вы призывае: хватит создавать образ врага. А кто этому нас научил? Разве в дореволюционной России были такие понятия, как «враг народа», «образ врага»? Не было! Это все началось с большевистских времен! Это они придумали! Не забывайте!..

И снова обращение к своему конкретному оппоненту:

— Вы говорите, надо читать историю. Позвольте вас спросить: какую историю надо читать? Ту историю, в которой нас ломали, гноили в лагерях, расстреливали? Нет уж, увольте!..

Историю надо знать, а не читать! — гремит, перекрываются по залу его голос.

Александр Исаевич удручен нашим всеобщим (или, как он говорит, «повальным») незнанием своей истории. Мы все, по его мнению, «блуждаем в потемках» — отечественную историю не знают не только жители глухой провинции, но и верушки московской интелигенции. Даже наши учёные в своих изысканиях почему-то все уперлись в начало XIX века — во времена Пушкина, Николая I, декабристов. Дальше иди не хотят. Начало XX века для нас закрыто — никто этот период не знает. Семнадцатый год — никто!..

Солженицын рассказывает, что все двадцать лет своего вынужденного изгнания он работал над историей Февральской революции. Написал 10 томов! О том, как мы попали в трясину, затянули на себе петлю, удавку...»

«Чтить историю»... Он снова и снова на разные лады произносил эту фразу своего оппонента, точно пробуя ее на зуб или взвешивая на весах. И опять расплывается: «Почему же Ленин не читал ее, когда приказал уничтожить все памятники русским царям? А нынче, выходит, все же читим, если не снесли ни одного памятника Ленину...»

— Я заявляю, — говорит он, — что 70-летнего периода большевизма мы не знаем!

И в самом деле, так называемый Октябрьский переворот, например, все мы относим к октябрю, тогда как он был решен, доказывает Солженицын, еще в апреле. Потому именно и свое «Красное колесо» кончил апрелем. Уже тогда все было ясно: власть упала — бери кто хочет. Россию проиграли в три месяца! А ведь в правительстве тогда были умные, честные люди — среди них не было ни одного взяточника, жулика и казнокрада. Не то, что сейчас.

— Так давайте не будем спорить об истории, пока ее не изучим. Ну, кто из вас знает, например, тайный указ 1948 года о том, чтобы женщин (мужчин в деревнях уже не оставалось), не выработавших минимум трудодней, ссылать в Сибирь? А ведь ссыпали...

Правда, в истории других стран тоже всякое бывало. Но там хоть хватило людям ума покаяться за совершенные преступления, подчеркивает Александр Исаевич. Вон в Германии многие рассказали. «Вот почему мы обречены идти к нормальной жизни лишних 30—40 лет, мучительно неся свой крест», — считает Солженицын.

— Выходит, такая уж нам, россиянам, уготована судьба, — раздался из зала чей-то голос.

«СУДЬБА НАРОДА — ЕГО ХАРАКТЕР»

с ходу, как о давно выношенном, продуманном и понятном, отвечает Солженицын.

— Жизнь в тюрьме и лагере научили меня: сам человек, его характер, а не среда, как принято было считать в XIX веке (помните — «среда зла», «среда виновата», «среду исправим и все будет хорошо»), определяют его судьбу, — убежден он. — И пока человек не станет человеком и не расправится — ничего хорошего из него не получится!

Да, жизнь в России сегодня тяжела, очень тяжела. Но разве мы сами не замечали, что и в этой сверхтрудной обстановке от любого нашего решения и собственного поступка, порой даже самого маленько, пустячного, незаметного, зависит многое — наша судьба?

— Судьба человека, — утверждает Солженицын, — это его характер. Точно так же и судьба народа — его характер.

Поэтому и на заданный вопрос — «Что будет с Россией?» — он ответил так: «Каков характер нашего народа — такова будет судьба России!»

Один из выступающих, психолог по образованию, призвал Александра Исаевича «не сыпать соль на раны». И без того, дескать, жизнь ужасна. Не говорит же, мол, врач смертельно больному человеку, что тот болен, скажем, раком. И вообще, по мнению этого психолога, в сегодняшней ситуации лучше утешать людей, вселять в них веру, а не расстраивать.

— Да как вам сказать, — задумчиво начал Солженицын. — На Западе врачи давно уже говорят правду в глаза, даже самую страшную, как бы она горька ни была. И это там признается актом гуманизма...

И где бы ни встречался с людьми Александр Исаевич, какие бы обидные слова ни слышал в свой адрес, ни одного выступления, ни одного пожелания, ни одного вопроса он не оставил без ответа.

Даже таких наивных, которые действительно могли задать только в глухой провинции. Вы, мол, там в Москве недалеко от президента живете, поди, и в гости к нему ходите. Входите и в кабинеты его ближайших помощников. Передайте им, что дальше так жить уже невмоготу. Когда мы голосовали за Ельцина-президент-

вом, какой обычно бывает только между очень близкими людьми. Я обратил внимание на лица моих собеседников — открытые, приятные, добрые. Мне даже стало казаться, будто через все наши жестокие десятилетия я увидел лицо и ощутил дыхание прежней, настоящей России!..»

И где бы ни встречался с людьми Александр Исаевич, какие бы обидные слова ни слышал в свой адрес, ни одного выступления, ни одного пожелания, ни одного вопроса он не оставил без ответа. Даже таких наивных, которые действительно могли задать только в глухой провинции. Вы, мол, там в Москве недалеко от президента живете, поди, и в гости к нему ходите. Входите и в кабинеты его ближайших помощников. Передайте им, что дальше так жить уже невмоготу. Когда мы голосовали за Ельцина-президент-

вом — и опять сам же себе и отвечает: — Потому что 85—90 процентов всех вопросов, касающихся жизни человека, там решаются на месте. А на то, как там «плещут» или «кувыркаются» в Вашингтоне или в Берне, какой президент, какое правительство, им наплевать. Ну, исключая, разве что, вопросы войны и мира. Вот и нам надо дать возможность каждой ячейке (общине, селу, району, малому городу, а потом и крупному, области) иметь свое самоуправление, свои финансы и право распоряжаться ими.

В России такое местное самоуправление искажали называли земством. Сегодня только земство может развязать руки россиянам, только земство — ключ к спасению России.

И хотя Солженицын о найденном им «ключе возрождения России» говорит не только на встречах с народом в далекой провинции, но и с высоких трибун (в том числе и кремлевских), его усилия точно уходят в песок или упираются в вату. С ним соглашаются. И ничего не превращают в жизнь.

Он с горечью замечает, что из западного опыта, которому сегодняшние правители России всеми силами пытаются подражать, перенимают только чисто внешнее. У них парламент — и у нас будет парламент, у них конституционный суд — и у нас конституционный суд, у них много партий — и у нас также... Ну и что?

— А не получится ли так, что при буйстве партий и упования на реформы сверху мы окончательно загубим провинцию и заморочим деревню? — тревожится Александр Исаевич.

К сожалению, наши политики, государственные мужи, парламентарии пока не смогли решить даже один из самых главных, животрепещущих и острых вопросов, каким является сегодня вопрос о земельопользовании. А ведь от его правильно-го решения в жизни россиян зависит слишком многое.

В Пензу Солженицын приехал в самом начале, выражаясь его языком, «очередного кошмара», «предвыборной лихорадки», «предвыборного балагана». Поэтому много разговоров с ним было на эту тему — очередных выборов в российскую Думу.

Мало того, что вопросы земства, местного самоуправления в программах почти всех депутатов начисто отсутствуют, а ту по новому закону вообще глупо спорили, возмущался он. Теперь даже если явятся на выборы 25 процентов населения, все равно считается, что они состоялись. А как же остальные три четверти народа?

«Хорошее можно ждать только от местного самоуправления», — еще и еще раз повторяет Александр Исаевич. Его собеседники тоже не остаются безучастными к земству. Одни горячо поддерживают писателя. Другие с ходу отвергают. Третьи боятся, как бы сегодняшних сельских жителей, за десятилетия советской власти отученных жить своим умом, привыкших ждать «кузазиков» сверху, не пришло бы насилию загонять в земство, как в свое время загоняли в колхозы. Сами главы местных администраций очень импонируют мыслью о земстве, они даже пытаются что-то и делать в этом плане, но...

«С нашими «дырявыми» бюджетами, бесправностью, бесконтрольностью, безответственностью перед людьми, нас избравшими, о каком полноценном земстве может идти речь, — взыграл в разговоре со мной глава администрации Никольского района Александр Андреевич Климонов.

— Назови нас как угодно, проку будет мало, если в корне не пересмотрят само положение о органах местного самоуправления». Об этом он тоже делился мыслями с Солженицыным.

— А может, царя нам не хватает? — спросили его на одной из встреч.

— Монархия — это такой строй, когда царь искренне верит, что он помазанник Божий. А каждый его подданный такого же мнения о своем царе, — так же серьезно ответил писатель. — Нам до такой веры далеко. А без веры все эти разговоры о царе и монархическом движении — просто дань моде или, извините, оперетта.

На пензенской земле Александр Солженицын провел пять дней. Это были пять дней, до предела заполненных встречами с людьми, разговорами про жизнь, про то, как быстрее возродить и лучше обустроить Россию.

Он не обманулся в своих ожиданиях. В этой поездке как бы «почувствовал душу России», прикоснулся к ее корням» и даже впервые увидел, пусть пока и «очень робкие, начатки земства, местного народного самоуправления, которым еще рассти и расти».

ДМИТРИЙ ГОРБУНЦОВ
Пенза — Москва

СОЛЖЕНИЦЫН — В ПЕНЗЕ!

Местная пресса широко освещала пребывание А.И.Солженицина в Пензе.

Да и что в том плохого, когда узнаешь полную правду? Такое доверие не только подавляет человека, а наоборот — собирает его волю, делает сильным.

— Я ровно утешать не привык, — сказал, как отрезал, Александр Исаевич. — Но не привык и гробить, то есть говорить, что мы попали в такое невылезное положение, из которого выхода нет. Могу сказать только одно: все зависит от нас самих.

Александр Исаевич с горечью рассказывает, что он за последнее время в разных концах страны провел более сорока встреч с россиянами. О чем только с ним не разговаривали, о чем только не спрашивали. Но одну тему, будто говоривши с, исключением единственного раза, у границы с Казахстаном, не затронули. Это — судьба наших соотечественников или «отрезанных россиян», как их окрестили Солженицын, в странах так называемого ближнего зарубежья.

Жили-жили они там в трех-четырех поколениях, считали, что у себя на родине находятся. И вдруг проснулись однажды, а им говорят: «Вы здесь нежелательные иностранцы, убирайтесь вон!» И хотя таких «отрезанных соотечественников» 25 миллионов, для нас будто и нет. Мы о них не думаем и не вспоминаем.

Вот и на пензенских встречах ни разу не заводили разговора о переселенцах, не интересовались их судьбой. Словом, как всегда, пока жареный пет